

Иди Хангас

ИЗРАИЛЬ

МОИМИ КРАСИВЫМИ ГЛАЗАМИ

Юл Ханчас
Израиль моими
красивыми глазами

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27613209

ISBN 9785449000989

Аннотация

Бог: – Мы, дружной компанией, очень повеселились, читая задорные тексты гениального израильянина. Пишет маслом он лучше, чем пером, но чисто поржать можно. Простительно, как дилетанту. Журнал Playboy: – Не читали, но на обложке офигенный красавчик. Моисей: – Значит, не зря я водил сорок лет по пустыне, которую, ставшую впоследствии Израилем, так красиво описал в своих рассказах Юл Ханчас.

Содержание

Предисловие	5
Конь ортопед	7
Кабан	12
Пидор	16
Бумажные самолётики	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Израиль моими красивыми глазами

Юл Ханчас

Корректор Юл Ханчас

Редактор Юл Ханчас

Иллюстратор Ханчас Юл

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Юл Ханчас, 2017

© Ханчас Юл, иллюстрации, 2017

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4490-0098-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Дорогой читатель! Я жутко нервничаю, заставляя вас своими красивыми глазами с обложки книги, купить и прочитать сборник моих рассказов. Я написал их спонтанно. Они помогли мне пережить острую ностальгию по самому яркому и любимому периоду моей жизни, репатриации в Израиль в начале 90-х. Будучи по жизни клоуном и обладая острым языком, я позволил себе пополнить ряды писателей, настрочив на одном дыхании более ста небольших рассказов, эссе. Лучшими из них и хочу поделиться с вами. Сразу хочу предупредить. Это мой Израиль. Моими красивыми глазами. Израиль начала 90-х. Все фамилии и имена придуманы, во избежание любых совпадений с ныне живущими персонажами. Истории основаны только на реальных событиях и дофантазированы мной в меру моего художественного воображения. В качестве иллюстраций я использовал портреты в оригинальной объёмной технике всеми любимых артистов еврейского происхождения. Картины для оформления книги любезно предоставил яркий и известный испанский художник. Я сам. Мои рассказы заставят вас и смеяться и плакать. Они живые и честные. Я не загружаю ваши мозги заумными текстами, приводящими к размышлениям. Моя цель – улыбаться по жизни самому и заразить улыбками вас.

В некоторых рассказах я употреБЛЯю ненормативную

лексику. Но куда ж сейчас без неё.

Добро пожаловать в мой Израиль.

Не судите строго, лучше напишите книгу про ваш Израиль. Вашими глазами. Если они у вас такие же красивые.

С уважением,

Юл Ханчас.

Конь ортопед

В начале 90-х, в Израиле приближался очередной пейзаж. Еврейская пасха – это и долгожданное время длинного отпуска, и полное отсутствие всего не кошерного в магазинах. Поэтому в это прекрасное весеннее время, в Израиле делать абсолютно нечего. Наша молодая, дружная компания репатриантов из бывшего СССР, не обладая тогда большими финансами для путешествия по Европе, Америке или Азии, выбрала дешёвого соседа, Египет. Недозахваченные Израилем территории. Шикарный берег красного моря, с пёстрыми рыбками и бескрайними пляжами, могли вполне себе хорошо уместиться на карте Израиля. Но Моисей не дошёл, а Арик Шарон не решился. Поэтому, Дахаб стал для нас ближним зарубежьем.

В то время я баловался атлетизмом и всячески старался походить на Жан-Клода Ван Дамма. И так как я был красивее его, то тщательно прокачивал мускулатуру тела, чтобы обогнать кумира миллионов уже по всем параметрам. И именно перед долгожданным путешествием в Дахаб, на одной из тренировок, я подорвал спину и понял, что поездка моя накрылась еврейской пасхой. Боли в пояснице не отпускали, отдавая в правую ногу и молодое, боевое правое яичко.

Я очень сожалел и убеждал друзей ехать без меня. Но, к моему удивлению и скрытой радости, девочки из нашей

компании предложили мне свою помощь в качестве грузчиков, только бы я поехал с ними. Нашпиговав попу уколами, меня бережно погрузили в такси уже за шлагбаумом после границы в Эйлате, и мы двинули на антикварном Пежо 405 через бесконечные горы в заветный Дахаб. Я стонал, но терпел. Мне даже полностью отдали заднее кресло, в котором я лежал, мечтая скорее выйти. Водитель – бедуин крепко и смачно затянулся гашишным кальяном, сказал УАХЛА, и со стеклянными глазами, вдавил педаль босой ногой погонщика верблюдов. По песочной дороге, без единого деревца и строения, между лысых гор, мы доехали до наших бунгало со скоростью 140 км за четыре часа.

Меня вытащили в позе сфинкса. Положили на бетонную кровать, покрытую коврами. Налили в качестве анестезии стакан вискаря из дьюти фри, и сами побежали смотреть рыбок в морской аквариум. Вискарик немного выпрямил и оживил меня. Еще пол стакана ирландского обезболивающего мне хватило до следующего утра. Но! Утром друзья сообщили мне, что у нас уже запланирована экскурсия на лошадях и верблюдах по горам, и надо ехать обязательно. Всё оплачено, кони запряжены и готовы морально и физически. Меня периодически под руки тащили на себе то Жека, то Шурик, то девочки. Я не притворялся, хотя имея хорошие актёрские способности, вполне таки мог.

Кони ждали. Мне достался конь размером XS. Я не мог на него взобраться сам. Коню что-то сказали на ухо на араб-

ском. Он послушно лёг. Я аккуратно сел в седло. Конь, заметно пошатнувшись, встал. Со стороны было ощущение, что я достал с антресолей своего деревянного коня из детства и сел на него. Он немного перерос пони, став конём, но не дотягивал называться рысаком или арабским скакуном. Седло со стремянами было рассчитано на лилипутов. Короче, все вокруг меня дружно ржали надо мной. Я гордо решил, что это над конём. Так было легче моему самолюбию.

Все уже сделали по три круга. Мой конь стоял. Я просил его и на иврите, и на русском, и на английском, даже на украинском языках, добывая арабскими словами. Но конь стоял. Гордо и безжизненно. Друзья катались. Оплаченное время подходило к концу. Конь стоял. Спина болела. Ко мне подъехал на своём коне мой друг Шурик. Отдыхая, он закурил сигарету. Посмеялся надо мной. Потом над конём. Потом опять надо мной. Еще раз над конём. Докурил и сдал немного назад. Я смотрел вперёд и не видел хитрые глаза Шурика. Ему повезло, иначе я бы его убил. Докуренный бычок Шурик крепко приложил в правую ягодицу моего недокона. Конь рванул с места так, словно первая ракета полетела в космос. От перегрузок я почувствовал себя Гагариным. Успев вспомнить, что до этого я никогда не ездил на лошади, мои клетчатые шорты стали теплее в области паха. Конь нёсся со скоростью звука. На него можно было ставить ставки на ипподроме и он бы не подвёл. От жопы коня пахло жареным и это только драматизировало ситуацию. Где у него

тормоза и как поворачивать конём, я не знал. Ужаленный в жопу конь превращался в точку на горизонте. Наконец то устав, он повернул в сторону Израиля и поскакал назад. Я вцепился в него и молился богу Яхве. Не доезжая до финиша метров сто, конь резко затормозил. Встал на дыбы. Заорал, или что там кони делают, по – лошадиному. И, сбросил меня на землю. Упал я своими стокилограммами именно на большую спину.

На небе шли заключительные титры моего короткометражного кино жизни. Боковым зрением мне казалось, что друзья бегут ко мне с венками и все в чёрном. Я лежал и прощался с только что начавшейся, новой жизнью в Израиле. Друзья прибежали быстро. Аккуратно подняли меня. Девочки плакали. Ребята перемигивались и ржали в кулачки. Я сделал первый шаг. Удивился. Сделал второй. Третий. Побежал. Взял Шурика на руки. Побежал с ним. Упал. Отжался. Сделал тридцать приседаний. Попрыгал. Спина не болела. Не болела вообще! Я не верил себе. Конь подошёл ко мне и как то странно посмотрел на меня. Боком. Одним глазом. Мне показалось, что он даже улыбнулся и что то знает в медицине. Шурик стал извиняться, но я только обнял его и расцеловал, ибо именно с его окурочка и началось моё исцеление. В бунгало я допил вискарь и у нас в Египте закончился алкоголь. Но это уже совсем другая история...

Кабан

Израиль страна маленькая. Окружѐнная морем и врагами. Если Моисей сорок лет вѐл за собой евреев с юга, то они немного не дошли. Не доползли хотя бы до Турции или Болгарии. И территория больше и климат мягче. Если шли с севера, то повезло, но территорию мелом надо было очертить раза в три больше. Но что вышло то вышло. И надо маленькую родинку защищать! Для этого создали оборонительную армию и назвали её самой сильной в мире. И по боевому духу она таки да, самая сильная. Служить в ней с самого рождения мечтает любой израильтянин. Любовь к маленькой родинке вливается с молоком матери, и к моменту службы превращается в чувство глубокого патриотизма.

Служат все. Кто не служил, тот либо дебил либо хочет таковым являться. Чтобы распознать дебила, умный Израиль придумал понятие профиля. Максимальный профиль полноценного здорового и вменяемого солдата является числом 97. Почему не 100? Мы задавались этим вопросом часто. И ничего кроме обрезания либо кашлял в детстве, не нашли. Решено было, что даже в Израиле совершенных не существует, поэтому и убрали три цифры, дабы уравнивать лучших. У меня был профиль 97, хотя я и требовал 100, так как до обрезания так и не дошло, а в детстве я кашлял мало и только в варежку. Низший профиль являлся красивым

числом 21. Им и занимался кабан.

Понятие кабан я запомнил сразу, будучи кабаном по году рождения и любителем свининки на щедрых украинских столах. Кабан расшифровывался как кацин бриют нэфэш. Точнее офицер психического здоровья. К нему отправляли обкурившихся заколдованной травой, сбившихся с пути и трудных подростков из неполных семей. Он проводил беседы, и немного поднимая профиль наводящими вопросами о том, что квадрат таки имеет четыре стороны, отправлял в армию. Как правило, таким экземплярам автомат уже не выдавали. Но и без оружия, в гневе они были опасны. Особенно во время военных действий. Главное, было вовремя их направить против врага, чтобы в панике, они не перебили своих.

Со мной проходили медицинские комиссии и сложные тесты грузинские братья. Еврейские грузины. Грузинские евреи. Давид и Гелла. Крепкие ребята, с золотыми якорными цепями толщиной в палец на толстых волосатых шеях. Цепи были работой их папы из Ашдода, ювелира и менялы Резо. Перспектива менять деньги на другие деньги и гонять по вечерам на новеньких БМВ и субару, снимая белокурых эмигранточек на ласковых ашдодских пляжах, сильно манила братьев. Поэтому, Давид и Гелла решили закосить. В Грузии актёрскому мастерству обучают в родительских домах, а в школе, вместо золотых медалей выдают Оскара. Братья выучили роли, написанные папой под редакцией мамы Со-

фии, и были готовы удивить кабана. Я вышел из кабинета с печатью «годен». Давид с порога стал гавкать и задира́ть ногу на тумбочку, пытаясь её описать. Лаял громко и с выражением, войдя в роль кастрированного бультерьера, чтобы не оставить кабану никаких шансов. Гелла элегантно, словно фокусник, достал коробок со спичками, бросил их на пол, присел рядом и звал его КысКысКыс, поглаживая живот коробки и ожидая котят. Кабан служил в армии более десяти лет и видел разное, поэтому предложил помочь принять у коробка роды, а Давиду выдал баночку для анализов. Пове́рил им по Станиславскому. Вышли они счастливые с 21 профилем. Давид даже пол дня лаял по инерции. Не мог выйти из роли.

Мы встретились через месяца два. Я вернулся после курса молодого бойца домой, с автоматом и сумкой халявных марсов и сникерсов с военной базы. Переодевшись в гражданку, с оружием на плече, поехал к друзьям в Ашдод отмечать шабат. Там, возле банка Леуми, я случайно и встретил несчастных на вид, братьев. С пачками денег они стояли у банка, выискивая в прохожих клиентов на обмен валюты. Гелле папа купил новенькую Юл Субару Леонэ. Машина белого цвета красовалась на стоянке возле дома. Права в полиции аннулировали до ожидаемых родов спичечного коробка. Кабан часто звонил им домой и спрашивал, родила ли кошка и как называли котят. Делал это цинично, на полном серьёзе, как доктор. Гелла плакал и клялся, что он ко-

сил по глупости и вполне здоров. Что коробок спичек не может родить котят. И что он уже готов служить. И если надо, то даже немножко больше чем все. Давид же по благу хотел устроиться в столовую аэропорта Бен Гурион, где готовили контейнеры с едой для самолётов. Там можно было жрать сколько угодно и немножко пиздить в семью. Но со справкой от кабана и профилем 21, его не пустили даже на порог. Давид звонил в кабинет врача, требуя помочь ему. Но кабан отвечал на претензии и извинения Давида лаем королевского пуделя и даже переходил на истошный вой. Давид хотел застрелиться, но и оружие ему не выдавали нигде.

Не знаю как именно и чем они его потом убедили, но через год службы в танковых войсках, я напросился служить рядом с домом. И уже в генеральном штабе Тель авива, Кирье, однажды я встретил двух изрядно потолстевших братьев, чистящих мешки с луком и картофелем на кухне в столовой, где мы ели. Вместо автоматов им выдали ножи для чистки, но и это оружие говорило о том, что они вполне достойны называться гордым именем «Солдат Израилев».

В столовой кормили вкусно, но это уже совсем другая история)!

Пидор

Легенды о том, что евреи любят и умеют экономить, созданы и раздуты до величины дирижабля самими евреями, чтобы экономить и быть в этом первыми. И если для русского человека экономить считается постыдным, то евреи своей экономией могут содержать весь русский мир и еще откладывать немножко себе. Первые еврейские экономисты были отмечены еще при создании древнейшего языка, иврита. Он появился в результате общения Адама и Евы со змеем и стал первым языком на созданной земле.

Разработчики иврита сэкономили в его письменности по самому максимуму. Полностью убрали все гласные, и не остановились на этом. В остром экономическом приступе, словно по заказу редактора свыше, они сэкономили на некоторых первых согласных. Так, одинаковые в написании буквы Б и В, в начале слова читались только как Б. Такая же участь постигла и несчастную букву Ф, которую заменила стойкая П.

Евреи и считаются самыми умными в мире именно потому, что кроме них самих на иврите правильно прочитать не может никто. Человек, безошибочно читающий на иврите без огласовок, приравнивается к полубогу, близок к совершенству, постиг тайну святого Грааля. Уровень Бога достигает в Израиле тот, кто с первого раза без единой ошибки

прочитает слово Джигурда или Гондурас, что в русском языке в принципе, одно и то же. Я долго привыкал к письменности иврита без точек, но, то, что в начале слова всегда звучит П а не Ф, запомнил однажды раз и на всегда.

Курс молодого бойца в израильской армии подходил к концу. Наш отряд размещался на территории, которые в последствии были возвращены палестинским мирным жителям. Длинное бетонное здание было укомплектовано двухъярусными пружинными кроватями. Большая часть солдат были русскоговорящие из бывшего СССР. Я лежал сверху. Днём разрешалось заниматься своими делами, и мы предпочитали поспать. Набраться дневным сном сил, перед ночными забегами в женский батальон через дорогу.

Скрипя старой, как само здание, дверью, вошла молоденькая командир роты, израильтянка Сагит. На неё не сразу обратили внимание. При всех её пышных формах и безупречно вздёрнутом к небу ашкеназийском носике, она успела достать всех утренними отжиманиями от пола так, что видеть её никто не желал. Даже в солдатских эротических фантазиях. Сагит достала записную книжку из маленького кармана на большой груди. Открыла её на нужной странице, и громко, чтобы хоть как то обратить на себя внимание, зачитала – «Пидор, на выход, к тебе приехала бабушка!».

Среди шестидесяти моих сослуживцев, готов поклясться, пидоров не было. Никто не отреагировал. Сагит повторила, вглядываясь в написанное – «Пидор, собирайся к проход-

ной. Тебя ждут». Но пидор не откликнулся. Все переглядывались и не доверительно смотрели друг на друга. Я, на всякий случай, перевернулся на живот, чтобы не смущать своим тылом соседа снизу. Вдруг это он? Из всех шестидесяти солдат, я был уверен только в себе и в том, что пидор точно не я. Сагит знала, что Пидор точно среди нас. Так было написано в её книжице командиром роты. «К Пидору приехала бабушка из Иерусалима. Бабушка Пидора ждёт встречи с внуком», – не унималась настойчивая младший сержант. Но Пидор не сдавался. Признать на четвёртом месяце службы то, что он Пидор, после походов в баню, общих душевых, марш-бросков и двухъярусных кроватей, не хотел никто. Сагит перешла в наступление и наконец, зачитала фамилию – «Пидор Богданов, с вещами на выход!!».

Я не зря повернулся на живот, ибо Богданов лежал подо мной. То, что он Пидор и об этом знает наше командование, обескуражило меня. Я спал над ним уже третий месяц и ни разу не почувствовал через старенький матрац его твёрдое имя. Солдат из Молдавии, лежавший с ним рядом, натянул одеяло на глаза. Здоровенный белокурый воин с Житомира, чистивший автомат напротив, завернул недоеденное сало с луком и спрятал их в изношенный баул цвета хаки. Вернувшиеся из душевой армяне проявили интерес и подвели поближе.

«Я не Пидор!», – грозно заявил солдат Богданов. «Я Фёдор, Фёдор Богданов». «Фиодор, Пидор, Фиодор, какая раз-

ница?», – извинилась Сагит. Вся рота выдохнула и я перевернулся снова на спину. К концу курса у каждого из нас были характерные клички и прозвища, которые мы заслужили за четыре месяца дружно проведённого курса молодого бойца. И тут не нужно быть умным евреем, чтобы понимать сразу, как еще долго впоследствии мы называли сержанта Богданова. После армии он даже сменил имя на Пинхас.

Не сладко жилось Федям в Израиле. А девушка с фамилией Фёдорова на второй год проживания в Ашдоде сошла с ума. Именно в Ашдод в начале 90-х завернула большая грузинская диаспора. Но это уже совсем другая история.

Бумажные самолётики

В середине 90-х, я познакомился и подружился с весёлой компанией молодых ребят из Бат-Яма. Нас объединяли музыка, молодость и бесконечное вино. Город назвали очень правильно, Дочь Моря, ибо пляжи красовались роскошными смуглыми русалочками. Четыре квартала разделяли бескрайний пляж от квартиры моего друга, где все и собирались в свободное время. Несколько кругов вокруг домов всегда заканчивались успешной парковкой, и я бежал трезвыми ногами к заветному подъезду, вооружённый пакетом горячих бурекасов и бутылкой румынского красного вина.

Каждый раз, с неба на мою лысую голову пикировали несколько бумажных самолётиков. Русско-бухарские дворники злобно ворчали, лая в небо что то про небесную маму. В ответ на это, как правило, с неба плавно шёл на посадку очередной самолёт. Ругаясь уже на своём языке, дворники подбирали их и победоносно наполняли ими мусорные баки. Конструктором бумажных птиц был весёлый дедушка, сидевший на балконе третьего этажа. Разглядеть можно было только его доброе лицо, наполненное детской улыбкой и трясущиеся руки, пускающие остроносенькие треугольнички. Я крикнул ему «шалом», и это стало нашей традицией. Каждый раз после шалома начинался бумажный снегопад. Дворники начали ненавидеть и меня, но мои габариты останавли-

вали их от словесных выпадов в мою сторону. Они отрывались на дедушке, но он им показывал толстенную книжку Дадпей-ЗаГав, аналогичную нашим Жёлтым страницам, и словно быка красной тряпкой, лишал их радужных перспектив в борьбе с мусором и международным антисемитским заговором.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.